

В Opera de Paris завершились гастроли балета Большого театра. Успешные во всех отношениях. «Это действительно Большой театр, — кокетничали на балетоманских сайтах зрители, — но ведь это естественно, раз театр так и называется — Большой?»

Прыжок Марии Александровны вернул театру репутацию Большого

Большой доказал, что он не маленький

Известия 2004-27 апр-с.13

Ольга ГЕРДТ

На спектакли, которые три недели показывал Большой в Opera Garnier приехали мировые знаменитости — в зале можно было увидеть Ростроповича и Барышникову, за кулисами саму Катрин Денев. Пресса, заскучавшая было на «Лебедином» Юрия Григоровича, раскачалась к «Дочери фараона» Пьера Лакотта, а «Светлый ручей» Алексея Ратманского расхвалили уже взахлеб. Балетоманы, у которых, как и у наших, есть свой форум, ежевечерне давали подробные отчеты об увиденном, с дошностью анализируя выход каждого солиста, среди которых выделяли Марию Александрову, Светлану Захарову, Яна Годовского, Морихиро Ивату.

Правильная карта гастролей — идефикс генерального директора Большого театра Анатолия Иксанова. «Куда ехать?» — основной вопрос, от решения которого последние два года зависело все остальное: что ставить, кого приглашать, от кого или от чего избавляться. В этом смысле репертуарная политика Большого в последние годы отличалась от политики Мариинского театра. Там сделала ставку на интеграцию в мировой репертуар и парадоксальным образом получили спектакли для внутреннего пользова-

ния — Форсайтом и Баланчиным ни Европу, ни Америку сегодня не удивишь, хотя, безусловно, репертуар, в котором есть «Манон» Макмиллана или «Драгоценности» Баланчина, облегчают задачу приглашения зарубежных звезд. Большой ориентировался на новые постановки и получил то, чем можно заинтересовать, хотя бы как экзотикой, мировой рынок. Последние шаги театра перед решающими гастролями в Париже — постановка «Пиковой дамы» и «Светлого ручья», приглашение питерской примы Светланы Захаровой и Алексея Ратманского в качестве художественного руководителя балета — закрепили концепцию гастролей: новые звезды, новый репертуар, новый лидер-хореограф.

О новом лидере, впрочем, пришлось вспомнить в последний момент. Подразумевалось, что гастроли, где покажут кроме «Лебединого» два русско-французских эксклюзива — «Пиковую даму» Ролана Пети и «Дочь фараона» Пьера Лакотта, — с одной стороны, станут элегантным реверансом русско-французским связям, с другой — интеллигентным прощанием с Борисом Акимовым, прежним руководителем балета, активно эти гастроли готовившим. Ратманский в Париже не подразумевался — ни как хореограф «Ручья», ни как новый

худрук балета. Но так как после травмы Николая Цискаридзе «Пиковую» пришлось заменить на «Светлый ручей», прощальный бенефис Акимова обернулся дебютом Ратманского. По причине изменений в программе гастролей раздвоилось и «лицо» Большого театра — им стала не только экс-петербурженка Светлана Захарова, на которую делалась основная ставка (Захарова уже выступала в Парижской опере с большим успехом), но и Мария Александрова, получившая восторженные отзывы за «Дочь фараона» и «Светлый ручей».

Французам в итоге тоже пришлось кое-что изменить в своем мировоззрении: вместо того чтобы убедиться, что со времен Петипа мы без капли французской крови не можем поставить ни один балет, они узнали, что в Большом возрождается особая традиция. Та самая, которую олицетворяет похороненный в 1936 году «Светлый ручей» Федора Лопухова, возрожденный в новой хореографии Алексея Ратманского. «Алексей Ратманский изобретает без революций. Не авангард, но блестящий дивертисмент, свежая и веселая хореография, которая за внешней легкостью скрывает виртуозную технику и показывает артистов, способных воплощать забавных персонажей, не впадая в комикование» (Рене Сервен, Le Fi-

garo). Успех «Ручья» связан еще и с тем, что спектакль оказался комедией — а смеяться на балетах отучились со времен Фредерика Аштона, который пользовался простыми водевильными рецептами, и его «Тщетной».

Довольные оказались все. Французы получили гастроли, убедившие их, что Большой — все еще Большой (см. начало). Театр доказал, что достоин даже при бывших звездах составить программу на все вкусы. А расхваленные балетмейстеры не пожалели, что связались с этим театром. Ни Пьер Лакотт, «Дочь фараона» которого из репертуара Большого то изымали, то снова возвращали, то ругали, то хвалили. Ни Алексей Ратманский, который, как выяснилось, не зря пожертвовал карьерой ведущего танцовщика в Датском королевском балете ради кресла худрука в Большом. Париж того стоил.

Не повезло только Юрию Григоровичу, чье «Лебединое» компромиссно и по инерции (какие же русские гастроли без «Лебединого»?), вставленное в программу, удостоилось дивных по краткости отзывов. Вроде этого в Le Monde: «После десятилетия отсутствия Большого в Париже публика ожидала шокового эффекта от «Лебединого озера». Разочарование. Аплодисменты на представлении 8 января были вежливыми».

Алексей РАТМАНСКИЙ, художественный руководитель балета Большого театра:

Когда спрашивали о планах, я отвечал правду

— Вы буквально влетели в эти гастроли со «Светлым ручьем». Было страшно?

— Было. Ждали реакции, не знали, как все это воспримут. Я очень рассчитывал на актеров, и они блестяще танцевали. Конечно, об их таланте я и раньше знал, но в ответственный момент наши люди собираются и делают все возможное. Какой-то нерв был особенный. У нас была возможность отрететировать спектакль в Париже, уточнить детали. И еще мне показалось, что сценография Бориса Мессерера лучше вписалась в сцену Парижской оперы. Выглядело все очень зажигательно. Правда. У меня было ощущение, что спектакль даже у нас не шел так хорошо, как в Париже.

— Как реагировали французы?

— Я чувствовал, что в начале спектакля они не знают, как реагировать. Но где-то минут через десять—пятнадцать после начала всегда начиналась живая реакция, схожая с московской.

— Хохотали?

— Сопереживали, так скажем. Такого не ждали от нашего театра. Для них Большой не ассоциируется с комедией, с чем-то легким и веселым. Все отмечали, что артисты получают удовольствие, исполняя балет. Это больше всего нравилось.

— Задавали вопросы о ваших дальнейших планах в Большом театре?

— Да.

— И что вы отвечали?

— Правду. Отвечал, что в следующем се-

зоне, продолжая линию «Светлого ручья», буду ставить «Болт» Шостаковича.

— Тот самый «Болт», на который так и не решился Григорович?

— Ну да, тот самый.

— Это в следующем сезоне, а чем будете заняты в этом?

— Первая премьера — это балеты Баланчина в марте: совсем новые для Большого «Конcerto барокко» и «Па-де-де Чайковского». Позже в этой же программе будут показаны «Сильвия» и «Тарантелла». И еще будет премьера в мае — это три балета. «Леа» — новая редакция в новом оформлении того спектакля, который я делал для Театра Алексея Фадеечева и Нины Ананишвили, «Магритомания» Юрия Посохова и постановка Радуги Покли-

тару (хореограф, только что поставивший вместе с Декланом Доннеланом балет «Ромео и Джульетта» в Большом. — «Известия»), который с названием пока не

определился. Такой вечер молодой русской хореографии. Русскоязычной.

— Значит, иностранцев в Большом какое-то время не будет?

— Нет, следующий сезон мы начнем постановкой Джона Ноймайера.

— Наверняка после успеха в Париже вы получили много предложений ставить в других театрах?

— Предложения были, но что я могу сказать... Сейчас я готовлю премьеру «Анны Карениной» в Датском королевском балете, и эта постановка, к сожалению, меня отвлечет на некоторое время от работы в Большом. Этот проект запланирован давно, премьера в апреле. На следующий сезон я отменил несколько проектов, чтобы быть в Москве.